

Г.РОБАКИДЗЕ И РУССКИЕ СИМВОЛИСТЫ

Т.Л.НИКОЛЬСКАЯ

В автобиографии 1923 года выдающийся грузинский писатель Г.Робакидзе (1) писал: "Я вышел из символизма" (2). На вопрос укладывается ли творчество Робакидзе в рамки этого направления, нельзя дать положительного ответа, однако, бесспорен его вклад в пропаганду идей русского символизма в Грузии. Эти идеи оказали сильное влияние и на его оригинальное творчество 1910-х – 20-х годов.

Начало личных контактов Робакидзе с русскими символистами относится к 1907 г. В этот период он пережил сильное увлечение Ф.Ницше (3). Именно в связи с Ницше в декабре 1907 г. он обратился с письмом к Вяч.Иванову:

"Многоуважаемый Вячеслав Иванович!

Пишу одну статью и необходимо привести цитату из Ницше. Но никак не могу передать следующее выражение: *Wie in cinem gleichnißartigen Fraumbilde*. Попытался переводить так: как в подобо-видном сно-образе, или еще: как в символообразном сновидении. Но чувствую, что это не так. Не соблаговолите ли Вы сообщить мне, как передать это выражение". (4.)

В начале 1907 г. Робакидзе познакомился с Д.Мережковским, З.Гиппиус и Д.Философовым, а на одной из лекций Мережковского впервые увидел и услышал А.Белого (5). Молодой грузинский студент произвел благоприятное впечатление на З.Гиппиус, о чем она сообщала в письме из Парижа к А.Белому: "Этот Робакидзе <...> оказался очень ничего себе, дельно говорил — называет себя индивидуалистом-идеалистом и учеником Риккерта... (6). Парижский салон Мережковских Робакидзе посещал в течение трех лет и был там хорошо принят. Об этом свидетельствует письмо Д.Философова к В.Брюсову с просьбой обратить внимание на статью молодого критика, посланную в редакцию "Русской мысли", литературным отделом которой Брюсов заведовал: "Робакидзе я знаю по Парижу. Три года он ходил к нам каждую субботу <...>. Он кончил духовную семинарию в Тифлисе (7) и затем Лейпцигский университет. У него солидное философское образование, и я его рекомендовал Струве" (8).

В 1910–1914 гг. Робакидзе учился на юридическом факультете Тартуского университета. На заседаниях грузинского землячества в Тарту он выступал с чтением рефератов, в которых был затронут круг символистских

идей. Так 23 февраля 1913 г. он прочел реферат "Эстетическое разрешение жизни", содержащий следующие тезисы: "Введение. — Об искусстве вообще; искусство создает символическую действительность. — Творческая роль искусства — учение о музыке и трагедии (Шопенгауэр, Ницше, эллинизм). Жизнь не есть только эстетический феномен: невозможность исключительно эстетического разрешения жизни. — О возрождении эллинизма. — Два мира: Орест и Гамлет. — Постановка "Эдипа царя" в театре Макса Рейнгардта. — Психологическая невозможность возрождения древне-эллинического хора. — Трагедия творцов. — Заключение" (9). Многие из этих тезисов легли в основу статей Г.Робакидзе, опубликованных в 1914–1916 гг. в газете "Кавказ". Так, например, в статье "Латинский гений" Робакидзе, исходя из концепций Ф.Ницше и Вяч.Иванова, развивает тезис о возрождении эллинизма (10), а в статье "Меж мечей" пишет об Оресте и Гамлете, как носителях античного и современного сознания. Причину неудачи постановки "Царя Эдипа" М.Рейнгардта критик усматривает в раздвоенности современного гамлетического сознания, несозвучности подобной треснутому мрамору современной души античному хору, который "не передает настроение зрителей, а воспринимается как другая группа актеров" (11). В названных нами и в целом ряде других статей этого периода Робакидзе в первую очередь опирается на круг идей Вяч.Иванова, связанных с дионисической проблематикой. Робакидзе внутренне близки и свойственны Иванову "поэтическое философское восприятие эллинского мифа", (12) и трактовка русским критиком творчества Достоевского (13), и утопические проекты театра будущего. Именно глубинным проникновением и эмоциональным восприятием ивановских концепций, статьи и эссе Робакидзе отличались от пересказа ивановских идей такими ведущими грузинскими критиками как А. Джорджадзе и К. Абашидзе. Страстный тон, экспрессивная манера выражения, свойственная эссе Робакидзе, убеждали читателей, ивановские идеи в его восприятии и интерпретации казались глубоко оригинальными. Так, например, в эссе "Театр кентавров" Робакидзе набрасывает эскиз театра будущего, в котором исчезнет пропасть между актерами и зрителями, индивидуальная воля разрешится в волю соборную. Он пишет, что в "Театре кентавров" драма станет выражать безграничное страстное страдание, воскресится хорал, лирика сделается полнокровной, произойдет возвращение к народным корням: "древняя Эллада познала это. Там был хор. Бюргерская драма Европы убила его. Его задушил адюльтер Франции. В конце представления артисты и любители искусства объединятся. Произойдет очищение. Материальное начало будет преодолено" (14). Как видим, в этом

эссе Робакидзе по сути дела пересказывает положения ивановской статьи "О сущности трагедии" (1916).

В период преподавания Иванова в Бакинском университете, Робакидзе неоднократно приезжал в Баку, где встречался с Ивановым на заседаниях бакинского "Цеха поэтов", где они оба выступали с докладами и принимали участие в прениях (15). Возможно, что лично общение способствовало творческому преломлению идей Иванова в драматургии Г. Робакидзе. В начале 20-х гг. он написал цикл хоралов и драмы-мистерии "Лонда" и "Карду". В отличие от трагедий Вяч. Иванова "Тантал" и "Прометей", не пригодных к постановке на сцене из-за громоздкости и отсутствия драматической напряженности, мистерия "Лонда" с успехом была поставлена в 1922 г. К. Марджанишвили на сцене театра им. Руставели. Этот режиссер осуществил в 1923 г. в том же театре постановку драмы-мистерии Робакидзе "Крест из виноградной лозы", в которую были включены стихи "Святая Нина", "Закон земли", хоралы и монолог Карду. Интересно, что, кроме профессиональных актеров, в представлении были заняты и грузинские поэты-единомышленники Робакидзе из группы "Голубые роги" (16). Таким образом предпринятая грузинским поэтом попытка воскрешения жанра хорала и мистерии, пронизанных дионисическим действием, оказалась успешной. Нам кажется, что значительная часть этого успеха была вызвана обращением Робакидзе к национальным корням, грузинской истории и мифологии, явившихся более подходящей почвой для Бога виноградной лозы Диониса, чем русская (17).

Наряду с Вяч. Ивановым сильное воздействие на творчество Робакидзе оказал и А. Белый. Если творчество Вяч. Иванова было ценно для Робакидзе в первую очередь дионисической проблематикой в ее различных ипостасях, то творчество А. Белого было воспринято грузинским критиком в основном под знаком апокалипсиса.

В 1918 г. Робакидзе написал эссе "Андрей Белый", в котором прослеживал путь писателя от "Симфоний" и "Серебряного голубя" к "Петербургу". Критик относит А. Белого к поэтам с апокалипсическим ритмом души. По его мнению, в романе "Серебряный голубь" русский символист подлинно подошел к России "и увидел в ее материнском лоне темную стихию варварского дионисизма" (19), которую, однако, не сумел преодолеть. Темная стихия земли преследует Белого и в образе Петербурга: "Не имея сил солнечно ее оплодотворить, писатель отвернулся от нее и начал выбрасывать астральные выкидыши" (20). Именно астральному плану романа "Петербург" уделяет главное внимание Робакидзе. С астральным мироощущением, по его мнению, связана боязнь пространства, которой

страдают герои, и обостренное чувство времени, разрешающееся в безвременье – "еще один штрих апокалипсического мироощущения" (21). Отмечая, что главным героем романа является Петербург – фантастический город, символ призрачной земли и провозвестник мирового нигилизма, Робакидзе приходит к выводу, что в этом образе Андрей Белый "дал апокалипсическое (– и при том через испепеление) отрицание земли" (22). Легко заметить близость концепции Робакидзе к бердяевской, изложенной в статье "Астральный роман" (23). В то же время толкование понятия "земля" совпадает с трактовкой этого термина как женственного начала, ипостаси Мировой Души символистской критикой. (24).

Важное место в эссе Робакидзе занимают наблюдения над ритмом прозы Белого, посредством которого писатель организует хаос: "Пишет ли Белый, говорит ли Белый, – ощущаешь всегда то благодать "священного безумия" <...> то проклятие "неправого безумия" <...> Апокалипсический эпилептик, он потому так страстно отдается безумным глаголам темно-ликого хаоса. Эти глаголы слышатся в его симфониях – где он силится при помощи напряженного словесного контрапункта обуздать их яростное безумие" (25).

Ритмическая организация текста играла важную роль в произведениях самого Робакидзе 20-х годов – стихах, драмах–мистериях, романе "Кожа змея". Как отметил Т. Табидзе в рецензии на уже упоминавшуюся нами мистерию "Лонда": "Пронизанная непрерывающимся головокружительным ритмом "Лонда" представляет собой произведение, в котором каждое слово обретает первобытную энергию, напоминающую симфонические творения Белого" (26).

Во второй половине 20-х годов Робакидзе и А. Белый вели переписку. Письма Робакидзе свидетельствуют о его непрекращавшемся интересе к творчеству Белого, о близости подхода к слову и родному языку. Так, в письме от 17 декабря 1928 г., явившимся ответом на письмо Белого с разбором романа "Кожа змея", говорится: "... приведу одно место из Вашего письма, которое, по-моему, является совершенно исключительным для ясной проверки моего романа почти по всем линиям, затронутым Вами. Вы пишете: "В "Москве" я не от себя, а от русского языка, который, конечно, может быть и погибнет. Так я предпочитаю умереть вместе с русским, чем воскреснуть в воляпюке" (подчеркнул я). Я взял это место не в плане литературной эмпирики, а глубже гораздо – и вдруг конкретно коснулся (до осязаемости) магистрали моего романа. Более выразительного и неопровержимого аргумента для этой магистрали мне трудно найти" (27). В письме от 9 декабря 1930 г. Робакидзе так отзывается о мемуарах "На рубежах двух столетий": "Портретное

искусство там кажется мне совершенно исключительным по новизне письма и выразительности" (28).

Помимо Вяч. Иванова и А. Белого, Робакидзе проявлял интерес и к творчеству других русских символистов. Он высоко оценивал лирику А. Блока (29), написал две статьи о К. Бальмонте (30), рецензию на трагедию В. Брюсова "Протесилай умерший" (31) и др. Свое отношение к русскому символизму в целом Робакидзе высказал, в частности, в статьях "О русском гении" (1914) и в автобиографии (1923). Главной заслугой русского символизма он считал возрождение жреческой поэзии – поэзии подвига (32). В 1923 г. он заявил, что приемлет символистское мировоззрение, не имеет ничего против символизма как литературной школы, хотя и сопроводил второе утверждение рядом оговорок. Одновременно Робакидзе отметил слабые стороны символизма как метода. Особо подчеркнул критик отличие русского символизма от западноевропейского: "... Русский символизм (Вячеслав Иванов, Андрей Белый, Александр Блок) феноменалистическим не был. Он вышел из других недр и его внутренняя суть иная" (33).

В статье "Об эволюции русского символизма" З. Г. Минц отмечала имевший место среди младосимволистов "рефлекс внутренней переоценки ценностей: взрывы автоиронии, саморазрушение прежних идеалов, породивший полосу создания художественных автометоописаний истории направления" (34). Такой период, правда, в более поздние годы и вызванный другими причинами, в частности, оккупацией Грузии большевиками в 1921 г., прошел и Робакидзе вместе со своими друзьями из группы "Голубые роги". В пьесе "Мальштрем" (1924) он трагедизирует дорогие его сердцу идеи об Апокалипсисе и Дионисе, влагая их в уста группы дадаистов (35), а в романе "Фалестра" с ностальгической иронией описывает творческие устремления и поведенческие стереотипы лидеров группы "Голубые роги" Т. Табидзе, П. Япвили и себя самого (36).

В 20-е годы Робакидзе испытал сильное воздействие немецкого экспрессионизма. В то же время нет оснований говорить о его полном отказе от символистских идей. Система взглядов Г. Робакидзе, сформировавшаяся в начале 1910-х гг., оказалась на редкость устойчивой, хотя отдельные ее элементы претерпевали изменения. Если в 1914–1916 гг. Робакидзе, выступая главным образом как литературный критик, популяризировал идеи русских символистов в Грузии, то в последующий период в драматургии, романах и теоретических статьях он успешно пересаживает эти идеи на грузинскую почву, творчески их интерпретируя. В первую очередь это относится к концепциям "дионисийства" и "синтеза", актуализировавшимся и в позднем творчестве Робакидзе, например, в его работе "Мифотворчество грузин" (37).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О Г. Робакидзе см.: Имедашвили К. Ничего больше не прошу я у Грузии // Литературная Грузия. – 1988. – № 2. – С.115–123.
2. Робакидзе Г. Pro domo sua // Пламя. – 1923. – № 11. – С.19.
3. См.: Магаротто Л. Влияние Ницше на раннее творчество Григола Робакидзе // Литературная Грузия. – 1989. – № 9. – С.148–160.
4. Письмо от 8 дек. 1907 // РО ГБЛ, ф. 109. Арх. Вяч. Иванова.
5. См.: Робакидзе Г. Портреты. – Тифлис, 1919. – С.52.
6. Письмо от 13 марта 1907 // РО ГБЛ, ф. 25, карт. 14, ед. хр. 6.
7. Философов ошибается. Робакидзе окончил Кутаисскую духовную семинарию.
8. Письмо от 2 сент. 1910 // РО ГБЛ, ф. 386, карт. 106, ед. хр. 33.
9. ЦГИА Эстонии, ф. 325, оп. 1, ед. хр. 638. Л. 236. – Цитируется по // Исаков С. Сквозь годы и расстояния. – Таллин, 1967. – С.147.
10. См.: Робакидзе–Кавкасиели Г. Латинский гений // Кавказ. – 1914. – 25 сент.
11. Робакидзе–Кавкасиели Г. Меж мечей // Кавказ. – 1914. – 9 окт.
12. Там же.
13. См.: Никольская Т. Г. Робакидзе и Вяч. Иванов // Тезисы докладов научной конференции "А. Блок и русский постсимволизм" // Тарту, 1991. – С.53, 55.
14. Робакидзе Г. Театр кентавров // Мечтающие газели. – 1923. – № 9. – С.5.
15. Устное свидетельство М. С. Альтмана.
16. См.: Рубикони. – 1923. – № 12. – С.2.
17. О восприятии Грузии как земли Бога Диониса Робакидзе говорил, например, в письме к грузинским писателям // Сакартвело. – 1917. – 17 окт.
18. См.: Робакидзе Г. Андрей Белый // Григол Робакидзе. Портреты. – Тифлис, 1919. – С.52.
19. Там же. – С.55.
20. Там же. – С.57.
21. Там же. – С.62.
22. Там же. – С.66.
23. См.: Бердяев Н. Астральный роман // Н. Бердяев. Кризис искусства. – М., 1913. – С.36–43.
24. См.: Никольская Т. Грузинские символисты о Пушкине // Пушкинские чтения. Сборник статей. – Таллин, 1990. – С.183.

25. Портреты. – С. 52.
26. Табидзе Т. Лонда // Рубикони. – 1923. – 18 февр.— Эпилептический ритм, характерный для поэзии Робакидзе, отмечал П. Ингороква // Ингороква П. Григол Робакидзе // Там же.
27. РО ГБЛ. ф.25, карт. 22, ед.хр. 6.
28. ЦГАЛИ. ф.53, оп.1., ед.хр. 250.
29. См.: Никольская Т. Дионис Грузии // Мнатоби – 1991. – № 6. – С.87.
30. См.: Nicholskaya T. K.Bal'mont's Translation of Vephistqaosani appreciated by Georgian Critics // An International Shota Rustaveli Symposium. Preprints of Papers.- Turku, 1991. – P.116-119.
31. См.: Робакидзе–Кавкасиели Г. В.Брюсов и его новое создание // Кавказ. – 1915. – 8 марта.
32. См.: Робакидзе–Кавкасиели Г. О русском гении // Кавказ. – 1914. – 5 дек.
33. Робакидзе Г. Pro domo sua // Пламя. – 1923. – № 11. – С.19.
34. Минц З. Г. Об эволюции русского символизма // Блоковский сборник УП. – Тарту, 1986. – С.17
35. См.: Никольская Т. Рецепция дадаизма в Грузии // Поэзия русского и украинского авангарда. Тезисы всесоюзной научной конференции. – Херсон, 1990. – С.63–64.
36. См.: Робакидзе Г. Фалестра. – Тбилиси, 1988. – С.388.
37. См.: Робакидзе Г. Мифотворчество грузин. (О сути мифа) // Литературный современник – (Мюнхен) – 1954. – С.225–230.